
НОВАЯ
ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

И. П. МЕДВЕДЕВ

ПРАВОВАЯ
КУЛЬТУРА
ВИЗАНТИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ

УДК 34(495)

ББК 67.3

М 420

*Фонд памяти митрополита Макария (Булгакова) удостоил
в 2005 году данное издание первой премии в номинации
«История православных стран и народов»*

Медведев И. П.

М420 Правовая культура Византийской империи
/ И. П. Медведев. – СПб.: Алетейя, 2019. – 576 с. – (Серия
«Новая Византийская библиотека. Исследования»).

ISBN 978-5-89329-426-2

Византийская империя – государство, создавшее блестящую, передовую во всем Средневековье культуру, важнейшей составной частью которой была правовая культура. В книге И. П. Медведева развивается концепция византизма как культурной системы, основанной на началах права, причем права цивилизованного, писанного, предполагавшего высокий уровень юридического мышления и общей образованности. Рассмотрены спорные вопросы правовых основ византийской государственности, отдельные этапы в развитии византийского законодательства и юриспруденции, система юридического образования, история византийского судопроизводства, нотариата и т.д. Основу книги составляют ранее опубликованные автором в различного рода изданиях материалы, соответствующим образом дополненные, переработанные и объединенные в единую систему.

Издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся историей права.

УДК 34(495)

ББК 67.3

ISBN 978-5-89329-426-2

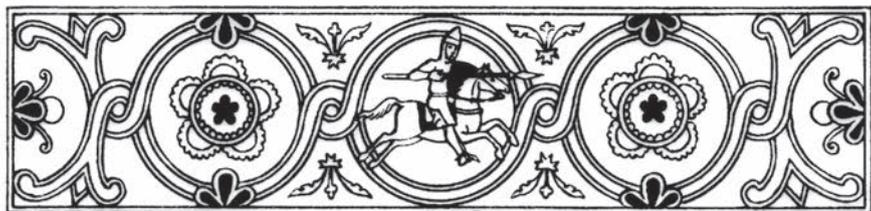

9

7 8 5 8 9 3 2 9 4 2 6 2

© И. П. Медведев, 2001

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

*Светлой памяти
Елены Эммануиловны Липшиц
посвящается*

Предисловие

Среди исторических цивилизаций прошлого, пожалуй, не было такой, которая бы оставила после себя больше писанных законов, чем Византия. Наш выдающийся историк византийского права Е. Э. Липшиц, памяти которой посвящается эта книга, считала, что «византийское право являлось одной из наиболее ярких сторон византийской культуры, и по силе воздействия на культуру других народов средневекового мира оно может идти в сравнение только с византийским искусством и архитектурой» (Е. Э. Липшиц. Право и суд в Византии в IV–VIII вв. Л., 1976. С. 3). Соответственно само византийское государство трактовалось как *ἐννομος πολιτεία* — цивилизация, в которой социальные связи регулировались законами и судебными процедурами; контракты заключались в присутствии свидетелей и нотариально заверялись, а составление документов (завещаний, брачных договоров, торговых сделок, всевозможных актов на отчуждение недвижимости и т. д.) входило в компетенцию юристов и нотариев; граждане обращались в суды с исками и жа-

лобами, а судьи основывали свои решения на корпусе писанных текстов или устоявшихся обычаев, «вдохновляясь древним изречением дистрибутивной и эгалитарной юстиции *suum cuique tribuere*», воздавать каждому принадлежащее ему право (см.: *G. Dagron. Lawful Society and Legitimate Power // Law and Society in Byzantium: Ninth-Twelfth Centuries. Washington, 1994. P. 27–51*). Поэтому нам, нынешним, озабоченным поисками правового общества, не может быть безразличным богатейший правовой опыт, накопленный Византией за более чем тысячелетнюю историю своего существования.

Конечно, византийское право — это сложный по своему составу и происхождению комплекс юридических норм и систем, сосуществовавших, взаимодействовавших, но не редко и взаимоисключавших одна другую. Основу этого комплекса составляла обширная сфера норм писаного официального права, унаследованного в значительной своей части от Римской империи, но переработанного и пересмотренного в ходе кодификационных работ византийскими юристами и явно испытывавшего воздействие традиций и обычаев местного эллинистического, а также норм церковного, канонического права. Получив наиболее полное воплощение в четырехчастном своде Юстиниана в VI в. (*Corpus Iuris Civilis*), это право сохраняло свое значение не только на всем протяжении истории Византийского государства, но и в позднейшие времена. Наиболее разработанным при этом было частное, или гражданское, право. Громоздкое, составленное по преимуществу на малодоступном для большей части населения империи латинском языке, отягощенное к тому же грузом вышедших из употребления правовых норм, Юстинианово законодательство имело ограниченное

применение в юридической практике. Поэтому уже при жизни Юстиниана антецессоры создали ряд кратких пособий к огромному своду на греческом языке (парафраз, толкований, этимологических и других разъяснений), игравших гораздо более важную роль в правовой жизни Византии, чем свод самого Юстиниана. Позднее на основе всей этой предварительной работы были созданы первые краткие законодательные своды на греческом языке, среди них исаврийская Эклога VIII в. с ее попыткой корректировки Юстиниановых законов в сторону приспособления их к нуждам эпохи, отказа от юридического формализма, в сторону «большей человечности», с особым вниманием к разработке уголовного права. Будучи дополнена специальным приложением, официальный характер которого, впрочем, подвергается сомнению, Эклога сыграла большую роль в дальнейшем развитии византийского права, послужив базой для целого ряда ее частных переработок и официальных законодательных сборников (Исагога; Прохирон).

Фактически разновидностью официального имперского права было церковное, т. е. совокупность норм, обладавших силой закона и определявших организацию церкви, ее внутреннее устройство, отношения между церковью и государством, а также между церковью и частными лицами — мирянами. Особенно сильно было влияние церковного законодательства в области частного семейного права, осуществляемое через наиболее массовый и демократический вид византийского суда — епископский суд (*audientia episcopalis*).

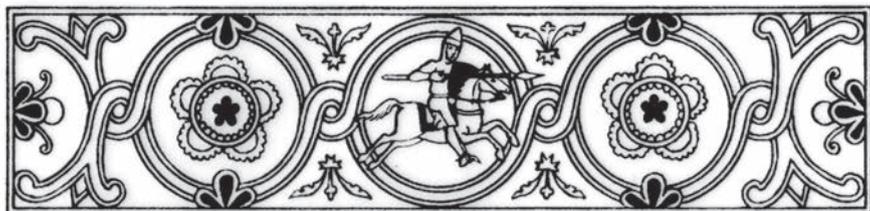
Если присовокупить сюда текущее законо- и нормотворчество, развивавшееся по пути издания императорских указов-новелл, различного рода частных,

но признававшихся государством юридических компиляций, а также обширную сферу обычного права, включавшую в себя идущие из глубины веков обычаи народностей, населяющих Византию, и новые институты средневекового квази-феодалного права, не отраженные в официальном имперском законодательстве, то мы увидим, что в Византии действовал некий «юридический плюрализм» как сосуществование и взаимодействие многих правовых систем различного происхождения, адекватно отражавший сложную социальную и политическую обстановку в империи.

Разумеется, данная книга не преследует цели отразить историю византийского права во всех его проявлениях. Это сборник работ, в свое время написанных и опубликованных в разных изданиях, а ныне — в духе времени — объединенных под одной обложкой. При этом все они, дополняя друг друга, «выстраиваются» в некую единую по тематике систему, что и делает, мне кажется, их объединение в достаточной степени естественным. В это целое входят, в частности, цикл статей по спорным вопросам публичного права Византии, некоторым правовым аспектам византийской государственности; главы из коллективного многоавторского труда «Культура Византии», позволившие воссоздать основные этапы становления византийского законодательства с учетом последних достижений науки; чисто юридические разделы моей монографии «Очерки византийской дипломатики» (Л.: Наука, 1988), посвященные истории византийского нотариата и судебных процедур; наконец, конкретные разработки отдельных правовых проблем и памятников «правовой письменности» (в разделе «*Varia*»). Сделана попытка дополнить и «осовременить» материалы за счет новой литературы, хотя, надо признаться, не

в той мере, как хотелось бы. Не будучи склонным переоценивать научную значимость представленной уважаемому читателю книги, хотел бы надеяться, что она окажется ему во всяком случае небесполезной: ведь после работ незабвенной Елены Эммануиловны Липшиц у нас в стране не появилось в области «правового византиноведения» почти ничего достойного внимания. Нельзя допустить, чтобы эта, столь традиционная для отечественного византиноведения дисциплина у нас совсем заглохла.

Часть I

Правовые аспекты византийской государственности

Из истории этатизма в средневековой Европе: точка отсчета

Драматические столкновения римского и варварского миров, имевшие место у истоков средневековья, породили в высшей степени своеобразную политическую ситуацию в Европе. В то время как на Востоке Византия сохранила римскую систему ненаследственной централизованной монархии и хотя бы формально обеспечила континуитет римской государственности, на развалинах Западной Римской империи возник чуждый этой государственности и отрицающий ее мир бесчисленного множества аморфных в политическом отношении образований. Доминирующей формой политической организации в Западной Европе в то время было германское королевство, а оно «было почти полной антитезой современному государству, ибо основывалось на личностных отношениях, а не на

отвлеченной концепции государства и не на безличных институтах».¹

Такое выработанное римским публичным правосознанием, как *res publica*, т. е. собственно «публичная вещь» в смысле «публичное, общественное дело», «государство», «государственная власть» (хотя все эти понятия являются неологизмами), а также концепция власти монарха как *ministerium* — «служение» этому «общественному делу», были на многие века преданы забвению. По словам проф. Феду, «на место господства бюрократии, тяжкого, но объединяющего, которое символизировало одновременно традиционную идею *res publica* и торжествующий этатизм, унаследованный от Диоклетиана, заступил режим военной банды». Место публичного римского права заняло патримониальное обычное право варварских «правд», в результате чего произошла как бы приватизация государства, низведение его до ранга *res privata* военного вождя, его родовой собственности и соответственно как бы одомашнивания (доместикации) государственных служб. Частное право заменило публичное, а государство стало пониматься как большая вотчина. И дальше вопросы престолонаследия решались в соответствии с 59-м титулом Салической правды, который, как известно, трактует вопросы наследования недвижимости частными лицами. Стало неопределенным понятие государственной границы и почти сошло на нет понятие столицы государства как места пребывания органов публичной власти: начинается эпоха своеобразного номадизма центральной власти, т. е. короля и его двора.²

---

¹ *Strayer J. R.* On the medieval origins of the modern state. Princeton, 1973. P. 13.

² *Fédou R.* L'état au Moyen Age. Paris, 1971.

Наконец, исчезает само слово для обозначения государства, хотя латинское *status*, от которого и происходит слово «государство» почти во всех западноевропейских языках (*état, state, staat, stato* и др.), уже в позднеантичное время стало как будто употребляться именно в этом его значении, например, Цицероном, Тертуллианом, Орозием.³ Наблюдается также сугубый «персонализм средневековых воззрений на государство, т. е. концентрация внимания на персоне государя как носителя суверенитета, полное отождествление королевства с персоной короля, сам титул которого отредактирован с акцентом на его функцию как военного вождя этнического племени, но никак не государственной территории: *rex Francorum*, но не *rex Franciae*, *dux Bohemorum*, но не *dux Bohemiae*, и т. д.»⁴

Разумеется, в эту схему, ибо это всего лишь принципиальная схема, самый общий слепок с действительности, можно было бы внести немало уточнений. Если, например, повсеместно наблюдавшаяся в европейских княжествах и королевствах *imitatio imperii*, или, как говорят некоторые, «зараженность Римом», способствовала сохранению лишь внешних черт *Imperium Romanum*, то появление идеи *translatio imperii*, т. е. представления о возможности переноса империи во времени и пространстве (в данном случае переноса суверенитета от римлян к германцам), и использование этой идеи для оправдания своей завоевательной политики, скажем, Карлом Великим или Оттонами свидетельствует уже о возросшем уровне политиче-

---

³ *Guenée B.* L'occident aux XIVe et XVe siècles: Les états. Paris, 1971. P. 60–61.

⁴ *Graus F.* Littérature et mentalité médiévales: Le roi et le peuple // *Historica*. 1968. T. 16. P. 22–25.

ского мышления.⁵ Но в общем и целом вышеприведенная схема верно отражает политическую ситуацию вплоть до XI в. Только в эпоху споров об инвеституре, когда постепенно осознается различие между функцией суверена и его персоной, а также начинают самоопределяться и отделяться друг от друга гражданская и церковная власти, средневековое мышление обретает понемногу понятие государства. Отныне «начинают говорить *populus*, имея в виду управляемую часть государства, корона, имея в виду правящие круги, и *regnum*, имея в виду государственный организм в целом».⁶

В 1204 г. Филипп Август впервые официально присваивает себе титул *rex Franciae*, а в 1205 г. впервые же было употреблено ставшее отныне общепринятым название *Regnum Franciae*. «Франция осознает себя теперь личностью. У нее есть отныне имя. Так же, впрочем, как почти у всех государств Западной Европы с конца XIII в.»⁷

Особое значение приобретают такие термины и формулы, выражающие фундаментальные понятия в образовании государства, как *status regis et status regni*, обозначающие политический организм, включающий в себя одновременно правящих и управляемых.⁸ Появление этих понятий связывается с возникновением

---

⁵ *Goez W. Translatio imperii. Tübingen, 1958.*

⁶ *Guenée B. L'occident... P. 62.*

⁷ *Ibid. P. 115.*

⁸ *Post G. 1) «Status Regis» // Studies in Medieval and Renaissance history. 1964. Vol. 1. P. 1–104; 2) Studies in medieval legal thought: Public law and the state (1100–1322). Princeton, 1964; 3) Sovereignty and its limitations in the Middle Ages (1150–1350) // XIII Intern. Congr. of Hist. Sci. Moscow, 1970.*

в Европе XII–XIV вв. новых государств, новой политической конъюнктуры, новых условий для вызревания идей публичного правосознания и новых знаний, вызванных рецепцией римского права. Вдохновляясь прежде всего зафиксированным Дигестами высказыванием Ульпиана: «Publicum ius est quod ad statum rei Romanae spectat» (кстати, сейчас оно признается византийской интерполяцией VI в., но глоссаторы воспринимали его, естественно, как римское), легисты стали развивать концепцию внутренней компетенции государства, неотчуждаемой публичной власти короля, доктрину государственного интереса, общего блага. Отныне *bonum commune, utilitas communis, bonum publicum* становятся ключевыми понятиями средневекового политического мышления. В статутах, в этих важных правовых документах по конституционной истории Англии, скрупулезному анализу которых много внимания уделил профессор из Принстона Гейнс Пост, эта доктрина выражена понятиями *plena potestas* и *quod omnes tangit*, т. е. то, что касается всех, должно быть и одобряемо всеми. Королевство трактовалось легистами как большая корпоративная община, глава которой, король, был в ней императором, не зная над собой вышестоящего суверена, кроме Бога и права: *Rex in suo regno imperator est*.

На первый взгляд в положении государя мало что изменилось: он по-прежнему остается всесильным властелином и, пользуясь своим положением верховного правителя, постоянно проявляет тенденцию отождествлять государство со своей персоной (ведь будет еще Людовик XIV с его знаменитым «*l'état c'est moi*» и даже Наполеон, повторивший эту фразу в несколько измененной редакции: «*La chose publique, l'état, se fut moi*»). В сущности, и в этом государю помогают легисты, находя для этого достаточно основа-

ний в римском праве и в особенности упирая на так называемый царский закон (*lex regia*), зафиксированный Дигестами, положение которого сформулированы следующим образом: *princeps legibus solutus est* (государь не связан законами) и *quot principi placuit legis habet vigorem* (что угодно государю — имеет силу закона). Начиная с Иоанна Солсберийского, который в своем «Поликратике» обосновывал идею *rex imago Dei* (но также и идею тираноубийства),⁹ придворные идеологи стали усиленно культивировать концепцию, согласно которой король выше закона, он сам закон (*lex animata*). Сама система феодально-вассальных отношений, царство сеньории способствовали сохранению пережитков патримониального права, феодально-династической окраски принципов суверенитета и равноправия государств. Так, именно в эпоху позднего средневековья мы наблюдаем, как матримониальная политика, политика личных уний, династические и наследственные неурядицы вызывают переделы государств, отчуждение территорий, перекраивают границы государств, а иногда являются причиной возникновения объединенных королевств, например польско-литовское королевство, возникшее в 1382 г. в результате личной унии Ядвиги и Ладислава Ягеллона.

И тем не менее существенный сдвиг в публичном правосознании налицо. Фактически люди стали понимать под *status regis* и под самим *ius publicum* магистраты, государственные должности. Как глава государства король имел публичное право — прерогативу управлять корпоративным телом королевства для общего

---

⁹ *Guenée B. L'occident... P. 102; Крылова С. Е.* О политических взглядах Иоанна Солсберийского // Проблемы социальной истории и культуры средних веков: Межвузовский сборник. Л., 1987. С. 37.

блага и безопасности. Это высшее право его должности, но не его права как частного лица, ибо оно дано ему не в собственность, но для защиты королевства (*non quoad proprietatem sed quoad protectionem*).¹⁰ Король, отказывавшийся уважать справедливость и закон, рисковал приобрести репутацию тирана и мог встретить противодействие со стороны своих подданных, обладавших правом сопротивления (*ius resistendi*) вплоть до убийства. Как было отмечено, уже Иоанн Солсберийский в XII в. высказал идею тираноубийства. Долгое время голос его оставался одиноким, пока в XIV в. или под воздействием его «Поликратика», или под влиянием высказываний Аристотеля, Цицерона и Сенеки, также оправдывавших тираноубийство, и другие на подхватили эту идею (например, гуманисты с их «культом Брута»). «Нет жертвоприношения более приятного, чем кровь тиранов», — говорит Боккаччо. *Vox populi, vox Dei!* То же, кстати, ожидало монарха, который в общественном мнении приобретал репутацию не способного к управлению, *non idoneus*, даже если он обладал всеми законными правами на занятие трона.

Разумеется, параллельно с процессом эмансипации публичной политической власти шел процесс складывания ее внешних придатков, институтов принуждения, структуры государственной машины, системы сословного представительства, государственного аппарата как такового, появления кадров профессионального чиновничества, в возросшей роли которого видят основную черту государства эпохи Возрождения.¹¹

¹⁰ *Guenée B. L'occident...* P. 151–152.

¹¹ *Люблинская А. Д.* Государство эпохи Возрождения в Западной Европе // Типология и периодизация культуры Возрождения. М., 1978. С. 7–15.

С развитием городов все больше вырабатывается понятие столицы государства как места пребывания централизованной администрации (именно такую роль сыграл Париж при Капетингах), уточняется понятие государственной границы в политическом, фискальном и особенно военном смысле, чему способствовал и прогресс в географических знаниях. Констатируется появление флага государства вместо личных хоругвей и стягов князей, королей и крупных сеньоров феодалной эпохи. Наступает эра торжествующего этатизма.

Можно ли Византию называть Византией?

Вопрос не такой уж праздный, как это может показаться на первый взгляд. Ведь в новейшей историографии снова, как когда-то, все более явственным становится «легитимистское» направление с его отождествлением Византийской империи и Римской империи и отрицанием правомочности первого из приведенных названий. Наиболее последовательным адептом этой точки зрения является известный итальянский ученый и историк римского права Пьеранджело Каталано, который считает, что «искусственное и противоречащее историческим источникам» использование слова «византийский» для обозначения одновременно римских и греческих реальностей Ромейской державы на Востоке только вводит в заблуждение и является одним из побочных эффектов «окцидентализма» или «западноевропейизма», отождествляющего Римскую империю с Западной Римской империей, прекратившей свое существование в 476 г., в то время как для восточной ее части пришлось изыскивать

специальное название.¹² Отрицается возможность применения самого понятия «эпоха средневековья» к истории восточной части Римской империи, и поскольку со ссылкой на учение о «вечности империи» (*aeternitas imperii*) и ее *translatio* обосновывается непосредственный континуитет между античным Римом, вторым Римом (Константинополем) и Третьим Римом (Москвой), то оказывается, что и русское государство (причем не только во времена Ивана III и псковского монаха Филофея, провозгласившего знаменитый лозунг: «Два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать», но и позднее — вплоть до Петра Великого и даже еще позднее) — это лишь заключительный этап в истории Римской империи.¹³

---

¹² *Catalano P.* Fin de l'Empire Romain?: Un problème juridico-religieux. Статья опубликована дважды: 1) *Roma Costantinopoli Mosca: Da Roma alla Terza Roma (Studi I)*. Napoli, 1983. P. 543–556; 2) *Actes du VIIe Congr. de la Fédération Intern. d'Etudes Classiques*. Budapest, 1983. Vol. 2. P. 123–135; ср.: *Catalano P.* Alcuni sviluppi del concetto giuridico di Imperium Populi Romani // *Popolo e spazio romano tra diritto e profezia: Da Roma alla Terza Roma (Studi III)*. Napoli, 1986. P. 652. С призывом к византинистам отказать от наименования «Византийская империя» проф. Каталано обратился и на заседании VI международного семинара «От Рима к Третьему Риму» (Москва, май 1986 г.), в связи с чем автору этих строк пришлось вступить с ним в довольно острую дискуссию.

¹³ Необходимо отметить, что цели организаторов международного исторического семинара «От Рима к Третьему Риму» (одним из них является проф. Каталано), направленные на выявление идей солидарности христианских европейских народов, общности их исторических судеб, преодоления этнического партикуляризма и их средневековой разобщенности, заслуживают, безусловно, понимания

Это, по-видимому, правда, что в средние века не существовало Византийского государства как такового, что те, кого мы, современные ученые, по взаимному и, как казалось раньше, не требующему особого обоснования согласию, именуем византийцами, предпочитали называть себя иначе — Ῥωμαῖοι, т. е. собственно *romani*, римляне, граждане «римского государства», обозначавшегося по-гречески широким спектром не очень-то строгих в техническом отношении словосочетаний — τὸ κράτος Ῥωμαίων (у Михаила Пселла), ἡ τῶν Ῥωμαίων ἀρχή (у Михаила Атталиаты), τὰ τῶν Ῥωμαίων πράγματα (у Никифора Григоры), вообще Ῥωμανία (у Кекавмена), но чаще всего, пожалуй, названием, как бы претендующим на роль официального, — ἡ πολιτεία τῶν Ῥωμαίων.¹⁴

В первом титуле 46-й книги Василик (византийский законодательный свод X в.) утверждается, что «проживающие на римской земле суть римские граждане», а чтобы не было двусмысленности в толковании этого отрывка, схолиаст разъясняет: «Все проживающие

и одобрения, но все же не хотелось бы, чтобы при этом историческая действительность тех времен подгонялась бы под наши нынешние идеологические клише. История Третьего Рима — это все-таки в значительной мере история политической фикции, этакое политическое призрака.

¹⁴ *Beck H. G. Res Publica Romana: Vom Staatsdenken der Byzantiner // Das byzantinische Herrscherbild. Darmstadt, 1975. S. 379–414; Lounghis T. C. Some Questions Concerning the Terminology Used in Narrative Sources to Designate the Byzantine State // Σύμμεκτα, 1997. Т. 11. Σ. 11–22. О происхождении понятия «Романия», известного уже с IV в., см. статьи А. Кариле, И. Ирмшера и К. Трипаниса в кн.: Popolo e spazio romano tra diritto e profezia: Da Roma alla Terza Roma (Studi III). Napoli, 1986. P. 409–438.*

в римском ареале, т. е. обязанные налогами римлянам, даже если они не живут в самом Риме, по закону императора Антонина являются все же римскими гражданами».¹⁵

Имеется в виду, конечно же, знаменитая *constitutio Antoniniana*, по которой римское гражданство жаловалось и жителям провинций. Позднее конституция была подтверждена новеллой 78 Юстиниана, причем если раньше право римского гражданства и другие привилегии жаловались индивидуально, то Юстиниан своей новеллой ввел коллективное гражданство целых народностей, предпосылками которого были обращение в христианство, признание суверенитета императора, принятие на себя всех обязанностей, добавших подданным императора и прежде всего обязанности жить в соответствии с нормами римского права. Та или иная этническая группа, получившая римское гражданство, включалась в административную структуру империи, а ее вождю жаловалась какая-либо имперская должность (патрикия, консула, силенциария и т. д.).¹⁶ *Romanorum genus*, или *Ῥωμαίων*

---

¹⁵ *Basilicorum libri LX. Ser. A (Textus) / Ed. H. J. Scheltema, N. Van der Wal. Groningen, 1969. Vol. 6. P. 2119 (B. 46.1.14 (13) = D. 1.5.17); Ibid. Ser. B. (Scholia) / Ed. H. J. Scheltema, D. Holwerda. Groningen, 1963. Vol. 7. P. 2732–2733.*

¹⁶ *Goria F. Romani, cittadinanza ed estensione della legislazione imperiale nelle costituzioni di Giustiniano // La nozione di «romano» tra cittadinanza e universalità: Da Roma alla Terza Roma (Studi II). Napoli, 1984. P. 301–302.* Не рассматривались в качестве *cives romani* те варварские народы (например, Африки и Италии), которые были связаны с империей, но сохранили собственную политическую и юридическую организацию. Эти народы, которых Юстиниан называет «нашими» или «друзьями», — не поддан-

γένος, таким образом, полностью утратил свою первоначальную этническую квалификацию, приобретая космополитическую, так же, впрочем, как и Ἑλλήνων γένος, ибо отныне термином «эллин», ставшим синонимом понятия «язычник», мог быть назван и действительно назывался и китаец, и сарацин, и древний русич в его дохристианскую эпоху.¹⁷

Византийцы действительно и не без оснований настойчиво возводили свою государственность к римскому корню, оговаривая, однако, и не в последнюю очередь, как остроумно заметил Харальд Фукс, «из духа сопротивления по отношению к Риму», что их Рим — «новый», «второй» (как-то забывается, что сам Константин Великий, основатель нового Рима, не предпринимал никакой *translatio nominis*).¹⁸ Как известно, византийцы унаследовали от первого Рима тенденцию отождествлять империю со всем миром: даже законы Юстиниана, несмотря на то что имели конкретных дестинаторов, адресовались «всему земному шару» — *in omnem orbem terrarum, universis hominibus* — «всем людям», «всем народам», «всей земле, на которую распространяется закон римлян».¹⁹

ные императора как таковые, не ὑλήκοοι, а κατήκοοι — термин, с трудом поддающийся переводу. Речь идет скорее об обозначении режима политической субординации по отношению к империи, чем о юридической принадлежности к ней такого рода народностей (*Ibid.* P. 297–300).

¹⁷ *Nicol D. M.* Byzantium and Greece: Inaugural lecture in the Karaës Chair of modern Greek and Byzantine history, language and literature at University of London King's College. (Oxford), Oct. 1971. P. 6–7.

¹⁸ *Beck H. G.* Konstantinopel — das neue Rom // *Gymnasium*. 1964. Bd. 71. S. 166–174.

¹⁹ *Goria F.* Romani... P. 341.

Средневековое политическое сознание усложнило и обогатило эту тенденцию. На политический универсализм, лежавший в основе той идеологической системы, которую начиная с I в. до н. э. разрабатывал Рим в отношении своей миссии, накладывается идея христианского экуменизма, сопряженная с идеей единого религиозного центра. На *Pax Romana* наслаивается *Pax Christiana*,²⁰ причем весь этот процесс совершается уже в совсем иной этнокультурной, по преимуществу грекоязычной среде, в результате чего латинский язык как государственный оказывается весьма скоро вытесненным, как, впрочем, и другие ценности римской цивилизации, за исключением права. Складывается органическое единство трех основных компонентов — эллинизма как духовной преемственности с культурой античной Греции, романизма как системы государственно-правовых и политических доктрин, унаследованных от римской империи, и христианства как сложного комплекса верований, идущих с Востока, — которое и составляет суть византизма, византийской цивилизации, византийской «таксис». Этот византийский «порядок» совершенно преобразил лицо древней Римской империи. Если, проявляя юридический пуризм, можно, пожалуй, считать, что ранняя Византия *de jure* была Восточной Римской империей, то даже по отношению к ней нельзя не признать, что *de facto* это было совершенно иное государство. В ходе дальнейшего преобразования социально-экономических и политических структур складывается новый исторический тип государства, если даже поли-

---

²⁰ *Zakythinos D. Byzance et les peuples de l'Europe du sud-est: La synthèse byzantine // Actes du I Congr. Intern. des études balkaniques et sud-est européennes. Sofia, 1969. T. 3. P. 10.*

тический режим этого нового государства и облачен еще в одежды прошлого. Одним из наиболее бесспорных достижений мирового византиноведения и является, на наш взгляд то, что византинисты, на дав ввезти себя в заблуждение самоназванием византийцев «ромеи» — «римляне», сорвали с них, по выражению австрийского ученого Петера Пилера, «маску классицизма (я бы добавил — идеологически окрашенного и преследующего великодержавные цели. — И. М.), которая лежит на всех их культурных отправлениях и иной раз лишь позволяет догадываться об исторических модификациях государственных институтов».²¹ Другими словами, именно бездумное следование римской фразеологии и терминологии в применении к византийским государственным, политическим и всяким иным структурам способно затемнить существо дела и ввести в заблуждение.²² Сорвав же эту маску, правда, как видим, далеко не единодушно и в разной степени, ученые окрестили новую цивилизацию (весьма изобретательно и вполне корректно), исходя из ее сути и в соответствии с ее реальным содержанием, византийской — *Pax Byzantina*.

---

²¹ *Pieler P. E. Entstehung und Wandel rechtlicher Traditionen in Byzanz // Entstehung und Wandel rechtlicher Traditionen / Hrsg. von W. Fikenscher, H. Franke, O. Köhler. München, 1981. S. 717–718.*

²² Особенно парадоксальным представляется встречающееся в литературе отождествление с римским правом византийского и включение на этом основании в римское право канонического права христианской церкви, хотя известно, что корпус канонического права формировался во многом как антитеза римскому. В понятие же византийского канонического права, конечно, входит, и к тому же вполне естественно.

Кстати, сами византийцы ощущали необходимость подобной операции, отдавая себе достаточно ясный отчет в том, что государство, гражданами которого они были, — это нечто совсем отличное от языческой рабовладельческой Римской империи. Вот один только пример. Иудеям, которые в дискуссии с Константином Философом (IX в.) поставили перед ним проблему продолжающегося, несмотря на пророчество Христа, существования Римской империи («Если примем, что Он уже пришел, как ты говоришь, по словам пророков и по иным доводам, то как же римское царство до сих пор владычествует?»), Константин Философ отвечал: «Не владычествует больше, ибо минуло, как и иные (царства), в изображенном (им) образе, ибо наше царство *не римское, а Христово* (курсив наш. — И. М.), как сказал пророк: “Воздвигнет Бог небесный царство, что вовеки не разрушится, и царство Его не достанется другим людям, (Он) сотрет и развеет все (другие) царства, а это останется навеки”. Не христианское ли это царство, что называется ныне именем Христа? Ведь римляне идолам поклонялись, эти же — одни из одного, другие из иного народа и племени царствуют во имя Христа».²³ По мнению итальянского ученого Агостино Пертузи, «в этих словах Константина или его агиографа заключена вся экуменическая, т. е. универсалистская, концепция Византийской империи, какой она была во второй половине IX в., будучи тесно связанной с политико-религиозным видением власти как прямой эманации Бога. В сущности, в уравнении, предложенном Константином (царство Христово = Византийская империя), заключен весь теоретический

---

²³ Житие Константина // *Флоря Б. Н.* Сказания о начале славянской письменности. СПб.: Алетей, 2000. С. 157.

фундамент доктрины царской власти и “семьи государей и народов”, во главе которой стоит василевс и византийский народ, под которыми находятся чужеземные короли или государи и народы, расположенные в порядке фиктивной политической иерархии». ²⁴

С этим нельзя, разумеется, не согласиться, но в то же время нельзя и не заметить, что, утверждая этот «теоретический фундамент», автор жития Константина Философа рвет с «римской идеей», выбрасывая за борт один из основных постулатов официальной государственной идеологии. Отражала ли эта позиция взгляды на данную проблему правящих и вообще образованных кругов славянских стран того времени (Великой Моравии, Блатненского княжества, Болгарии), как полагает Г. Г. Литаврин? Ведь в титуле римского отказано византийскому цесарю и в житии Мефодия, и в сказании «О письменах» Черноризца Храбра. Литаврин склонен придавать этому обстоятельству особенно большое значение, «так как эти памятники созданы ближайшими учениками первоучителей славянства, которые находились в тесном общении с учеными представителями и крупными государственными и политическими деятелями западного (латинского) мира, в том числе с папами Николаем I и Иоанном VIII». ²⁵ Представляется все же, что со стороны учеников было бы слишком большой вольностью вкладывать в уста византийца Константина Философа не принадлежав-

---

²⁴ *Pertusi A.* Il pensiero politico e sociale bizantino dalla fine del secolo VI al secolo XIII // *Storia delle idee politiche, economiche e sociali* / Dir. da L. Firpo. Torino, 1983. P. 715.

²⁵ *Литаврин Г. Г.* Представления «варваров» о Византии и византийцах в VI–X вв. // *ВВ.* 1986. Т. 46. С. 105, 106.

шее ему высказывание. Скорее, оно свидетельствует о том, что и византиец Константин Философ в глубине души понимал действительное положение вещей, несколько неосторожно обнаружив это в пылу полемики. Можно даже предположить, что в этом своем понимании он был не одинок.

Да и так ли уж искусственно и так ли уж противоречит источникам издавна принятое в науке название «Византия», «Византийская империя»? Ведь древнее название древней мегарской колонии — Византий никогда не было забыто в средние века и даже по существу не утратило прав гражданства. У византийских авторов, особенно склонных к антиклизации своих произведений, мы встретим его ничуть не реже, чем все прочие официальные наименования и эпитеты царственного города. Например, в «Хронографии» Михаила Пселла из 13 упоминаний столицы империи по названию в 10 случаях она названа Византием и лишь в трех — Константинополем, причем в одном отрывке оба названия употреблены буквально рядом как равнозначные;²⁶ примерно та же картина в «Алексиаде» Анны Комниной, где мы можем встретить и такое обозначение столицы империи, как «царственный город Византий», и т. д.²⁷ А у Никифора Григоры встречается не только название Βυζάντιον и Βυζάντιοι как его жители, но и Βυζαντίς, т. е., собственно говоря, Византия как название страны.²⁸ Впрочем, оно встречается

---

²⁶ Михаил Пселл. Хронография / Пер., ст. и примеч. Я. Н. Любарского. М., 1978. С. 26.

²⁷ К сожалению, до сих пор нет работ, где этот вопрос был бы разработан специально, поэтому приходится опираться лишь на отдельные примеры.

²⁸ Nicephori Gregorae Epistolae / Ed. P. A. M. Leone. Martino, 1982. Vol. 2. P. 103, 104 (ep. 32.6, 27), 215 (ep. 76.5).

в иноязычных источниках. Так, в недавней монографии В. А. Арутюновой-Фиданян приведены богатые и убедительные данные источников о том, что армянские средневековые историки (прежде всего Мовсес Хоренаци, но также и другие) называли столицу государства ромеев преимущественно Византием, даже «царствующим городом Византием», а ее жителей — «византийцами». Особенно интересно то, что в ряде случаев Византий для Мовсеса Хоренаци — не только город, но и государство, а в одном отрывке даже употреблено не привычное для этого историка (V – начало VI в.) наименование Византий (арм. Бюзандион), а «Бизандиа» — Византия. «Иными словами, — говорит В. А. Арутюнова-Фиданян, — перед нами впервые, и не только в армянской, но и вообще средневековой историографии, возникает образ Византии — Византийской империи, то ее именование, изобретение которого мы так прочно связываем с историографией нового времени».²⁹

По существу аналогичным образом обстояло дело с обозначением Византийского государства и в средневековой Западной Европе. Если до коронации Карла Великого в 800 г. правитель Восточной империи выступал в западных источниках просто как «imperator», то в источниках IX в. его титул становится все более скромным, локально ограниченным: «imperator Gre-

---

Аналогичное явление обнаружено и у автора VIII–IX вв. Феодора Студита, см.: *Афиногенов Д. Е.* Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847). М., 1997. С. 129–130.

²⁹ *Арутюнова-Фиданян В. А.* Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.): Результаты взаимодействия культур. М., 1994. С. 147.

corum», «imperator Constantinopolitanus». Начиная с середины 830-х гг. многие авторы вообще зачастую отказывают византийцу в императорском титуле, называя его «princeps Constantinopolitanus», «rex Graecorum», «rex Constantinopolitanus», а также (что для нас особенно интересно!) — «rex Bizantinus».³⁰ Нет сомнений в том, считает Г. Г. Литаврин, что, называя византийского императора «императором греков», империю «греческой», а ее жителей «греками», политические деятели Запада сознательно стремились тем самым подчеркнуть отсутствие прав у «василевса греков» на титул «римского», на римский престиж и римское наследство.³¹ Для нас, однако, важно подчеркнуть, что традиция называть эту «греческую империю» византийской имела место на Западе также, вероятно, и в эпоху раннего средневековья. Что же касается славян, то мы не знаем, пользовались ли они названиями Византий-Византия (это совсем не исключено, хотя, кажется, и не зафиксировано источниками), но то, что их позиция в вопросе об обозначении империи ромеев «в наиболее общих чертах сходна с позицией политических деятелей Запада и заключалась, по-видимому, также в непризнании прав византийцев на обладание римским престижем и римским наследством»,³² — вещь как будто доказанная.

---

³⁰ Ронин В. К. Византия в системе ранневизантийских представлений раннекаролингских писателей // ВВ. 1986. Т. 47. С. 92.

³¹ Литаврин Г. Г. Представления «варваров» о Византии... С. 103.

³² Там же. С. 108; ср.: Franklin S. The Empire of the Rhomaioi as viewed from Kievan Russia: Aspects of the Byzantino-Russian cultural relations // Byzantion. 1983. Т. 53. P. 507–537.

Итак, традиция называть Византию Византией и византийцев византийцами — это не выдумка ученых и даже не изобретение Петрарки, который, как считают, впервые употребил термин «византиец» в приложении к гражданину Восточноримской империи; это традиция, идущая из глубины веков, имеющая под собой прочное основание и наиболее адекватно отражающая действительное положение. Другое дело, что сами византийцы, исходя из своих амбиций и комплексов, хотели бы, чтобы мир называл их самих и их государство иначе. Как говорил Ломоносов, «народы от имен не начинаются, но имена народам даются. Иные от самих себя и от соседей единым называются. Иные разумеются у других под званием, самому народу необыкновенным или еще и неизвестным. Нередко новым проименованием старинное помрачается или старинное, перешед домашние пределы, за новое почитается у чужестранных».³³

Была ли в Византии конституция?

Знаменитое византийское самодержавие и конституция! Не оксиморон ли? Ведь в историографии неоднократно подчеркивалась неразработанность именно государственного, публичного права в Византии, которое в условиях авторитарного строя с его мощным идеологическим и пропагандистским прессом не могло получить своего адекватного выражения, не могло эмансипироваться, подменялось культом императора как избранника Божьей милостью. По мнению Бека, πρότος ψεῦδος современной византистики в том и заключается, что исследователи склонны смешивать

---

³³ Ломоносов М. В. Избранные произведения. М., 1986. Т. 2. С. 54–55.

так называемую *Kaiseridee* с понятием государственного права (*Staatsrecht*), выводя из комплекса политических идей государственно-правовые нормы, с тем, чтобы тем самым несколько укрепить слабый государственно-правовой фундамент византийской монархии, и не замечая различия между *ius* и *Kaiseridee*, что логически не может не привести к анаколуфу.³⁴

Действительно, в Византии, как, впрочем, и в любом другом средневековом государстве, не было конституционных документов или законов в формальном и точном значении этого слова, т. е. «основного закона государства, закрепляющего основы общественного экономического строя данной страны, форму правления и форму государственного устройства, правовое положение личности, порядок организации и компетенцию органов власти и управления в центре и на местах, организацию и основные принципы правосудия, избирательной системы».³⁵ «Великая хартия вольностей» или, скажем, «конституции» итальянских городов-государств лишь с большой натяжкой могут претендовать на роль подобного основного закона. Тем не менее ученые считают возможным ставить вопрос о наличии в Византии «неписаной конституции»³⁶ или конституции как «обычного конституционного права» (*Verfassungsgewonheitsrecht*).³⁷ Пилер, которому

³⁴ *Beck H. G. Res Publica Romana. S. 381.*

³⁵ Юридический энциклопедический словарь // Под ред. А. Я. Сухарева. М., 1984. С. 148 (ст. «Конституция»).

³⁶ *Malafosse J. La monocratie byzantine // La monocratie. Bruxelles. 1969. Vol. 2. P. 48.*

³⁷ *Pieler P. E. 1) Zum Problem der byzantinischen Verfassung // JÖB. 1970. Bd. 19. S. 51–58; 2) Verfassung und Rechtsgrundlagen des byzantinischen Staates // Ibid. 1981. Bd. 31. S. 213–231.*

принадлежит честь специальной разработки вопроса, исходит при этом из определения Еллинека о том, что «система, согласно которой формируется и осуществляется воля государства, определенным органам власти отводятся соответствующие компетенции и регулируется положение граждан государства в нем и по отношению к нему, может характеризоваться как конституция, даже если она не выражена в законах». ³⁸

С этим трудно не согласиться, тем более что неписанные конституции как конгломерат всевозможных парламентских законов, судебных прецедентов и обычаев и по сей день существуют в некоторых буржуазных странах, например в Великобритании. Речь даже не идет, кажется, о νόμοι ἄγραφοι, как полагает Пилер, ³⁹ ибо понятие νόμοι в греческой юридической и политической традиции относится, по-видимому, к сфере положительного законодательства, гражданского и уголовного права. Скорее всего, имеется в виду то, что Платон называл ἄγραφα νόμια как δεσμοί πάσης πολιτείας — универсальная система связи всех элементов государственного устройства и основы для действия всех установленных письменно законов, да и тех, которые будут установлены (Leg. 793 B). Даже еще больше — речь может идти о δεσμοί в смысле учреждений и институтов как о чем-то фактически данном и существующем, фактически происходящем, причем существующем и происходящем совершенно независимо от субъективных желаний отдельных лиц, ⁴⁰ будь они даже и императорами (вспомним Монтескье с его тезисом

---

³⁸ Pieler P. E. Verfassung... S. 225, 226.

³⁹ Ibid. S. 226.

⁴⁰ Вальденберг В. Е. Политическая философия Диона Хризостома // Изв. АН СССР. 1926. №12. С. 1293, 1298.

о том, что империями как бы правит некая невидимая сила, некие «духи» — *Lettres persanes*, СIII).

Любопытно, что Михаил Эфесский (XII в.) вслед за Аристотелем, «*Политику*» которого он комментирует (в данном случае отрывок 4.1.5),⁴¹ подчеркивает фундаментальное отличие позитивных законов государства, посредством которых магистраты управляют обществом и наказывают нарушителей этих законов, от тех норм (как и Аристотель, Михаил Эфесский, однако, не называет их неписаными), которые определяют саму форму государственного устройства (одни — аристократическую, другие — демократическую) и обуславливают в государствах порядок органов власти, их полномочия, характер верховной власти и конечную цель всякого политического общения. Аналогичным образом, вдохновляясь Аристотелем, строит свою концепцию дихотомического правового мира Димитрий Хоматиан, который в 1236 г. так излагает ее перед синодальным судом Охрида по ходу слушания одного судебного дела: «Все гражданское законодательство делится на два рода права, а именно нормы позитивного права (*τὸ δίκαιωτικόν*) и нормы власти (*τὸ ἐξουσιαστικόν*); ибо то является отпращиванием права (*ἀπονεμητικόν τοῦ δικαίου*) и может быть названо нормами позитивного права, что следует не природной необходимости, а потенциально возможному. Относящиеся к позитивному праву нормы — это те законоположения, которые законодатели, следуя естественному праву и тщательно разобравшись, устанавливали для судебных тяжб, для действительности соглашений или для случающихся фактов, уделяя каждому его соб-

---

⁴¹ *Aristotele. Politica / Rec. O. Immisch. Lipsiae, 1929. P. 310; ср.: Pertusi A. Il pensiero politico e sociale... P. 757, 758.*

ственное право и разрешая возникающие спорные вопросы, с тем, чтобы никто не получил необоснованно то, что подобает другому, и чтобы тот, у кого отнято его собственное, не претерпел несправедливого ущерба. И напротив — те нормы, которые касаются власти, нам не время сейчас рассматривать: их познание — дело юристов. Во всяком случае, император явно находится выше законов, трактующих вопросы власти, ибо он сам — во главе власти и обладает правом говорить и действовать от лица этой власти».⁴²

Как видим, в отличие от Михаила Эфесского Димитрий Хоматиан не абстрагируется от реальной политической жизни своего времени, претворяя в практику византийского государства аристотелевские положения, однако и он уклоняется от специального рассмотрения второго члена «дихотомического правового мира» — τὸ ἐξουσιαστικόν, выводя к тому же за его пределы вопрос о правовом характере императорской власти. Остается пожалеть, что как Михаил Эфесский, так и Димитрий Хоматиан упустили прекрасную воз-

---

⁴² *Pitra J. B. Analecta sacra et classica Spicilegio Solesmensi parata. Farnborough, 1967. Vol. 6. Col. 458–459.* Д. Зимон, уделивший этому отрывку особое внимание, считает, что источником рассуждения Димитрия Хоматиана послужила гл. 5 кн. V «Никомаховой этики» Аристотеля, с его дихотомией социальной справедливости на τὸ διαμετρικόν δίκαιον (пропорционально делящаяся справедливость, осуществляемая при распределении почестей и общественных богатств) и τὸ διорδωτικόν δίκαιον (арифметически уравниваемая справедливость, выступающая при договорных обязательствах) — см.: *Simon D. Princeps legibus solutus: Die Stellung des byzantinischen Kaisers zum Gesetz // Gedächtnisschr. für Wolfgang Kunkel. Frankfurt a/M., 1984. S. 456.*

возможность изложить основы византийской конституции. Конституция Византии, могли бы они сказать нам, — это комплекс весьма аморфных и по большей части неписанных (ибо некоторые компоненты конституции, например основные принципы правосудия, были все же закреплены и письменно — вспомним только судебную реформу Палеологов), не закрепленных законодательством представлений и обычаев, определявших общественное и государственное устройство империи, основные принципы деятельности органов государственной власти и управления (императорская власть, провозглашение и смещение императора, соправительство, регенство, функции консистория, сената, государственно-бюрократического аппарата), системы народного представительства (цирковые партии, димархии, народные собрания — силении, экклесии), роль армии и церкви. Ясно, что эти представления и обычаи формировались в значительной мере под воздействием официальной идеологической пропаганды, выражали волю господствующего класса феодалов-землевладельцев, освящались церковью и фактически не оставляли места для гражданских прав и свобод.

Возникает законный вопрос: каким образом, какими источниками пользуясь, исследователь может воссоздать эту неписанную конституцию, осуществить ее реконструкцию, да и возможно ли такое? Тем более что, следуя вышеизложенному рецепту Бека, мы должны исключить из круга источников такой богатый пласт византийской политической литературы, как панегирическая и паренетическая литература, всевозможные «княжеские зеркала» — жанр, восходящий ко второй речи Исократу к Никоклесу и нашедший в Византии таких адептов, как Синесий Киренский, Ага-

пит, Псевдо-Василий I, Кекавмен, Феофилакт Охридский, Алексей I Комнин, Никифор Влеммид, Фома Магистр, Феодор II Ласкарис, Мануил II Палеолог, Димитрий Хрисолора и многие другие, — в которых авторы, выражая свой политический идеал в форме биографии или очерка деятельности какого-либо суверена, причем неважно, историческая ли эта личность или выдуманная, допускали риторическое преувеличение, идеализацию своих героев.⁴³

Сам Бек продемонстрировал нам, как из обычных нарративных исторических источников можно вычленять и собирать по крупицам данные о публичном правосознании, народном суверенитете, проявления которого существовали помимо *Kaiseridee* и в скрытом соревновании с ней, ставя всякий раз под вопрос любую попытку придать общезначимый характер императорскому «государство — это я». Показательна в этом отношении позиция историка XII в. Иоанна Зонары: он объявил действия императора Романа IV Диогена, раздававшего ссуды должникам с целью привлечения к себе сторонников, незаконными, так как казна, из которой выплачивались денежные суммы, принадлежала не императору, но государству, и критиковал

---

⁴³ *Hunger H.* Die Hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1. S. 157-165; *Byzantinische Fürstenspiegel: Agapetos, Theophylact von Ochrid, Thomas Magister.* Stuttgart, 1981; *Letsion D. G.* “Ἐκθεσις Κεφαλαίων παραινετικῶν” τοῦ Διακόνου Ἀγαπητοῦ: Μία σύνοψη τῆς ιδεολογίας τῆς ἐποχῆς τοῦ Ἰουστινιανοῦ γιὰ τὸ αὐτοκρατορικὸ ἀξίωμα // *Δωδώνη*, 1985. Τ. 14 (1), Σ. 175–210; *Romano A.* Retorica e cultura a Bizantio: Due Fürstenspiegel a confronto // *Vichiana*, 1985. Τ. 14. Ρ. 299–316; *Hunger H., Ševčenko I.* Des Nikephoros Blemmydes Βασιλικὸς Ἀνδρίας und dessen Metaphrase von Georgios Galesiotes und Georgios Oinaïotes. Wien, 1986.

императора Алексея I Комнина за то, что тот «вел государственные дела так, как если бы это были его частные дела, т. е. не как их управляющий, но как их господин, и все, что принадлежало обществу и фиску, рассматривал как свою собственность». А priori представляется невероятным, чтобы в государстве, которое было как бы олицетворением самодержавия и в то же время «грешило постоянными революциями, не было места стремлению к теоретическому обоснованию революции, к разработке комплекса идей, которые могли не вязаться с абсолютистскими притязаниями императора».⁴⁴

Однако именно поэтому не стоило пренебрегать некоторыми памятниками панегиристики и паренетики, где среди нравственных или политических заповедей, от которых самих по себе до правосознания, конечно, не один шаг, мы можем встретить не только отвлеченные идеи политической философии, но и рассмотрение, зачастую критическое, конкретных вопросов правового аспекта деятельности императоров.⁴⁵ Так, например, воспринимается как подлинный политический трактат панегирик Прокопия Газского императору Анастасию (писан между 512 и 515 г.), в котором автор развивает основы императорской власти.⁴⁶ В знаменитом «Наставлении» диакона Агапита, содержащем популярную политическую мораль, из

⁴⁴ *Beck H. G. Res Publica Romana. S. 385. cp.: S. 388–389.*

⁴⁵ По-видимому, опытом такого рода можно считать статью И.С. Чичурова : *Čičurov I. S. Gesetz und Gerechtigkeit in den byzantinischen Fürstenspiegeln des 6–9. Jahrhunderts // Gupido legum. Frankfurt a/M., 1985. S. 33–45.*

⁴⁶ *Minniti Colonna M. Prolegomena a una nuova edizione del Panegirico per l'imperatore Anastasio di Procopio di Ca-za // 'Avtīdopov: Hommage à M. Geerard pour célébrer l'achè-*

ложенную поэтическим, образным языком, в коротеньких, легко усваиваемых главах содержится скрытая полемика с Юстинианом, особенно в гл. 10, в которой проводится мысль, что царь должен действовать так, как если бы он был обязан кому-нибудь отчетом — *ὡς μεγάλας ὑφέξων εὐθύνας*. «Слово *εὐθύνη*, — говорит по этому поводу Вальденберг, — имеет совершенно определенное терминологическое значение, а именно — значение должностного отчета. Отсюда оживленно обсуждавшийся в греческой литературе вопрос — является ли царская власть *ὑλεύθυνος* или *ἀνυλεύθυνος* — получает окраску практического, реального значения, и то, что Агапит пользуется именно этим словом, придает его мысли особый оттенок».⁴⁷ Обращают на себя внимание «Поучительные главы сыну Льву» императора Василия I⁴⁸ хотя бы потому, что истинным автором их был, как предполагают, патриарх Фотий, весьма оппозиционно державший себя по отношению к императорской власти, и «Царское воспитание» Феофилакта,

---

vement de la clavis Patrum Graecorum. Wetteren, 1984. Vol. 1. P. 89–99.

⁴⁷ Вальденберг В. Е. Печатные переводы Агапита // Докл. АН СССР. 1928. С. 289. Об Агапите см.: Frohne R. Agapetus Diaconus: Untersuchungen zu den Quellen und zur Wirkungsgeschichte der ersten byzantinischen Fürstenspiegels. Tübingen, 1985.

⁴⁸ Emminger K. Studien zu den Fürstenspiegeln. München, 1913. S. 50–73; ср.: Pertusi A. Il Pensiero politico e sociale... P. 710–712; Чичуров И. С. 1) Традиция и новаторство в политической мысли Византии конца IX в.: (Место «Поучительных глав» Василия I в истории жанра) // ВВ. 1986. Т. 47. С. 95–100; 2) Теория и практика византийской императорской пропаганды: Поучение Василия I и эпитафия Льва VI // Там же. 1989. Т. 50. С. 106–115.

архиепископа Охридского, написанное для Константина Дуки, сына Михаила VII и Марии Аланской. В последнем развивается любопытный тезис о законном и мирном характере восхождения на царский трон, предпосылкой чего объявляется «благоволение множества, благоразумное участие народа». ⁴⁹ И так далее.

Конечно, среди византийской политической литературной продукции особый интерес с точки зрения воссоздания принципов политического устройства общества представляют специальные теоретические разработки византийских «политологов», пусть даже и весьма немногочисленные. Так, важное место среди них принадлежит трактату VI в. «О политической науке», дошедшему до нас во фрагментах (сохранилось 2/5 всего текста) в единственной рукописи (палимпсест Vat. gr. 1298 первой четверти X в.), написанному в форме диалога. ⁵⁰ Наряду с традиционными и почерпнутыми из античной политической мысли идеями о «науке управлять» автор пользуется фразеологией Сократа, цитирует Платона, Ксенофонта, Аристотеля — в трактате воспроизводятся и некоторые исторические черты византийского государства того времени, а также серия фундаментальных законов монархического государства — νόμοι περὶ τῆς βασιλείας κείμενοι, действительно своего рода конституция. Им указаны пять зако-

---

⁴⁹ Patrologia graeca. Vol. 126. Col. 273 C; ср.: *Pertusi A. Il pensiero politico e sociale...* P. 759–761.

⁵⁰ *Menae patricii cum Thoma referendario De scientia politica dialogus*/ Ed. C. M. Mazzucchi. Milano, 1982. О литературе, посвященной этому труду и о спорных вопросах авторства см. в статье: *Досталова Р.* Напряженность социальной обстановки в Византии V–VI вв. в отражении анонимного трактата “Περὶ πολιτικῆς ἐπιστήμης”// ВВ. 1990 (1991). Т. 51. С. 45–57.

нов: о выборах императора, о сенате, о взаимоотношениях церкви и государства, о высших государственных органах, о правосудии.⁵¹ Опять же остается пожалеть, что фрагментарный характер текста не позволяет воссоздать в полном объеме политическую систему, обрисованную автором.

Не меньшее значение для нашей темы имеет весь V раздел «Советов и рассказов» Кекавмена (конец 70-х гг. XI в.)⁵² — «Советы василевсу», — раньше необоснованно приписывавшийся Никулице Дельфину как самостоятельный политический трактат.⁵³ Представления Кекавмена о государственном механизме империи — это представления человека «средней культуры». Он не философ и не мыслитель, но военный, человек действия, не обремененный непосредственным знакомством с византийской и тем более античной литературой; единственный автор, которого он цитирует, — это Дион Кассий. Тем он и интересен. Его идеи — это отражение общественного сознания, причем как в его традиционных проявлениях (общие места в устах Кекавмена также не лишены значения, ибо позволяют заключить, что та или иная идея — не собственность автора), так и проявлениях иного рода, носящих печать индивидуальности и свидетельствующих о существовании в византийском обществе XI в. новых тенденций.

---

⁵¹ *Valdenberg V. Les idées politiques dans les fragments attribués à Pierre le Patrice // Byzantion. 1926. T.2. P. 65.*

⁵² *Советы и рассказы Кекавмена: Сочинение византийского полководца XI в. / Подгот. текста, введ., пер. и коммент. Г. Г. Литаврина. М., 1972. С. 275–307.*

⁵³ Там же. С. 566, примеч. 1086; ср.: *Valdenberg V. Nikoulitza et les historiens byzantins contemporains // Byzantion. 1926. T. 3. P. 95–121.*

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Часть I. НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВИЗАНТИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	
Из истории этатизма в средневековой Европе: точка отсчета	10
Можно ли Византию называть Византией?	17
Была ли в Византии конституция?	29
Был ли в Византии закон о престолонаследии?	43
Власть, закон и право на сопротивление	57
Номос и канон	72
Равенство перед законом: миф или реальность?	85
Из истории юридического образования в Византии	102
Часть II. ИЗ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	
Эпоха правового новаторства	134
Программа «очищения древних законов»	167
Право в эпоху латинского владычества	187
Юриспруденция накануне падения империи	215
Часть III. ВИЗАНТИЙСКИЙ НОТАРИАТ	
Законодательство о нотариате	255
Нотариат по данным частных актов	307
Институт свидетелей	393

**Часть IV. ИЗ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Акт как средство доказательства	403
Подлог по данным законодательства	420
Экспертиза подлинности документов в суде	438

Часть V. VARIA

Смертная казнь в толковании византийских юристов	479
О двух греческих юридических рукописях в Санкт-Петербурге	499
Софийский список Шестикнижия Константина Арменопула	508
«Русский Арменопул» и его критика в записке бессарабского юриста Ивана Танского	513

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	541
--------------------------------	------------

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТНО- ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ	546
---	------------

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕННОЙ	553
--------------------------------	------------

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ	565
--	------------